

4.11.37
От Романа Волмана

28
90

Перевод с французского.

Письмо тов. Потемкину.

Вилланев, дача Ольга.

11 ноября 1937 года.

Дорогой товарищ Потемкин,

Еще раз я обращаюсь к Вам и на этот раз почти с личным делом: дело идет о брате одного старшего и очень дорогого мне друга м-ль Эльзы Гартеш, которая была мне очень предана в тяжелые дни моей жизни, и которой я обязан братской признательностью. Эта бедная женщина обожает своего брата и находится в отчаянии, в связи с его арестом. Я также так удручен этим, что писал лично тов. Сталину и тов. Ежову, ходатайствуя за брата моего друга.

Но я не получаю никакого ответа на мои письма. Несмотря на то, что мне было обещано вручение их по назначению, я не уверен в том, что они были прочитаны. Вот почему я решил написать также Вам. Дело в следующем:

Брат моего друга, профессор Оскар Оскарович Гартеш, который занимает важный пост в Институте экспериментальной медицины в Ленинграде, 7-8 лет тому назад был уже однажды арестован и затем освобожден. /Я ходатайствовал за него и во время моего пребывания в СССР в 1935 году, встретив у А.М.Герьева тогдашнего наркома внутренних дел, спросил его, была-ли действительно какая-нибудь вина за проф. Гартеш. Он мне ответил, что "профессор Гартеш совершенно чист от какого-либо обвинения" ./Проф. Гартеш продолжал работать в Институте, где он пользовался большим доверием. Невозможно было предвидеть тот удар, который его поразило 1 августа по его возвращении с Кавказа, где он проводил свой отпуск. Он был снова арестован.

Мой друг м-ль Эльза Гартеш, немка по национальности, живущая в Швейцарии с 1914 года, в 1934 году переехала жить

к своему брату в Ленинград после смерти его жены. Эта смерть сильнее всего потрясла ее брата /боялись, как бы он не покончил самоубийством/. Кроме того, проф. Гартш имел серьезную болезнь желудка /врачи определяли рак/ и весьма расшатанную нервную систему. Таким образом, его сестра пожертвовала своим положением в Женеве, где она была преподавателем в Интернациональной школе, отправилась к своему брату и стала заниматься его здоровьем и хозяйством. В течение этих лет /с 1934 по 1937 г.г./ она приезжала два раза в Швейцарию, где она имеет сестру, швейцарскую гражданку, работающую доктором в Цюрихе. Во время ареста ее брата она была при нем в Ленинграде. Этот арест в столь напряженный момент так ее потряс, что она заболела. Она вынуждена была вернуться в Швейцарию два месяца тому назад и терзается беспокойством. Я вижу, как она чахнет день ото дня, и это меня так огорчает, что, если бы не начало зимы, - время, которое для моего путешествия в СССР было бы для меня смертельно, - я бы поехал в Ленинград и Москву, чтобы ходатайствовать за проф. Гартш.

Я его знаю по его двум сестрам, которые мне часто говорили о нем, и я его встречал несколько раз в Швейцарии 15 лет тому назад, когда он приезжал к сестрам во время своей поездки в Германию с научной целью. Ему предлагали тогда работать в одном из медицинских институтов в Германии. Он ^{это} /отверг для того, чтобы вернуться в СССР, и принимать участие в трудах и делах своего народа. Это, мне кажется, является достаточным доказательством его лояльности. Я встретил его еще раз во время моего путешествия в СССР, у Герькоге. Я его расцениваю, как вполне честного человека, ученого с большими заслугами, опасавшегося вмешиваться в политику и интересующегося только наукой. Я не могу себе

представить, чтобы он мог принимать участие в каком-либо заговоре или саботаже. Он слишком уважал науку и чувство своего долга. Он держался скорее в стороне. Возможно, как многие интеллигенты, он не понимал достаточно суровой логики революции и неизбежных трудностей и ошибок последней. Быть может, у него и не было для нее энтузиазма, но я убежден, что он служил ей лояльно.

Случается, что честные люди оказываются скомпрометтированными связями, которые впоследствии оказываются сомнительными; но это происходит от их наивности или ошибки. Если подобный случай произошел с проф. Гартеш, я убежден, что он был обманут и не могу поверить, что, хотя бы на один момент, он сознательно принимал участие в антиезетском деле.

Я Вас прошу, дорогой друг, обратиться к соответствующим властям и просить их тщательно рассмотреть дело Гартеша и, если возможно, известить меня о том, в чем он обвиняется, и насколько серьезным является его дело.

Я добавлю, что здоровье Гартеша слабее, что у него в тюрьме нет теплой одежды, и что семье его отказано в передаче ему таковой. Почему? Мне кажется, что эта негуманная мера может лишь нанести вред правосудию. Заключение могут заболеть и умереть от воспаления легких, прежде чем их дело будет заслушано судом.

Разрешите мне изложить еще несколько общих соображений. Тов. Димитров несколько раз спрашивал мое мнение о том, какая тактика в отношении интеллигенции Запада могла бы заставить ее лучше понять и защищать идеи революции. Я скажу по этому поводу, что в борьбе, которую твердо и сурово ведет революция в СССР против своих врагов, она допускает некоторые ошибки: то она проявляет слишком много доверия и беспечности, то действует с ненужной жесткостью. Это является одной из существенных причин тех оппозицион-

ных настроений, которые обнаруживаются в кругах западно-европейской интеллигенции. СССР совершил бы большую ошибку, если бы не стал считаться с ее общественным мнением, которое играет очень большую роль в наших странах. Настоящие враги СССР используют эти ошибки, чтобы затерять эту революцию огромные слои, которые могли бы быть к ней привлечены, если бы ее проводники действовали с большей осторожностью и гибкостью.

Извините меня, дорогой товарищ, за столь смелое изложение моих мыслей. Вы знаете, что я остаюсь и останусь до самой смерти старым и верным другом СССР. Я хочу, чтобы моральная мощь и влияние СССР стали еще больше.

Извините еще раз за неприятные просьбы о профессоре Гартш. Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы мне сообщили, сможете ли Вы помочь этому делу.

Преданный Вам

Роман Роллан.

Не откажите в любезности уведомить меня о получении этого письма.

Handwritten signature